

Алексей Толстой. Семь дней, в которые был ограблен мир

 Оригинал этого текста расположен на страницах
[Библиотеки Олега Колесникова](#)
 -----

*) Все астрономические и физические данные в этом рассказе, включая также прохождение кометы Биэлы в 1933 году, - вполне отвечают действительности. - Прим. автора.

1.

Трехмачтовая яхта "Фламинго", распустив снежно-белые прямые марселя, косые гроты и трепетные треугольники кливеров, медленно прошла вдоль мола, повернулась, полоща парусами, - приняла ветер и скользнула, полетела в голубые поля Тихого океана.

В журнале начальника порта отметили: "Яхта "Фламинго", владелец Игнатий Руф, восемнадцать человек команды, вышла в 16,30 в направлении юго-запад".

Несколько зевак равнодушно проводили стройные паруса "Фламинго" утонувшие за горизонтом. Да еще два сероглазых парня-грузчика, сопя трубками за столиком кофейни, на набережной, сказали друг другу:

- Билль, если бы "Фламинго" пошла на увеселительную прогулку, то были бы дамы на борту.

- Я тоже так думаю, Джо.

- Билль, а ведь недаром целая шайка репортеров вертелась с утра около яхты.

- Я такого же мнения, - недаром.

- А знаешь, вокруг чего они больше всего вертелись?

- Ну-ка, скажи.

- Вокруг этих длинных ящиков, которые мы грузили на "Фламинго".

- Это было шампанское.

- Я начинаю убеждаться, что ты глуп, как пустой бочонок, Билль.

- Не нужно, чтобы я обижался, Джо. Ну-ка, по-твоему, что же было в длинных ящиках?

- Если репортеры не могли разнюхать, что было в ящиках, значит никто этого не знает. А, кроме того, "Фламинго" взяла воды на три недели.

- Тогда, значит, Игнатий Руф что-то задумал. Не такой он человек, чтобы даром выкинуть за борт три недели.

Так поговорив, оба парня отхлебнули пива и, упираясь голыми локтями о столик, продолжали сосать пенковые трубки.

"Фламинго" под всеми парусами, слегка накренясь, летела наискосок сине-зеленым волнам. Матросы в широких холщевых штанах, в белых фуфайках и белых колпачках с кисточками лежали на полированной палубе, поблескивающей медью, поглядывали на поскрипывающие реи, на тугие, как струны, ванты, на прохладные волны, разлетающиеся под узким носом яхты на две пены.

Рулевой, крепколицый швед, сутуло стоял на штурвале. Огненно-рыжую бороду его, растущую из-под воротника, отдувало ветром вбок. Гнались несколько чаек за яхтой и отстали. Солнце клонилось в безоблачную зеленоватую, золотую пыль заката. Ветер был свеж и ровен.

В кают-компани у прямоугольного стола сидело шесть человек, молча, опустив глаза, сдвинув брови. Перед каждым стоял запотевший от ледяного шампанского широкий бокал. Все курили сигары. Синие дымки наверху, в стеклянном колпаке, подхватывало и уносило ветром. Зыбкие отблески солнца сквозь иллюминаторы играли на красном дереве. От качки мягко вдавались пружины сафьяновых кресел.

Следя за пузырьками, поднимающимися со дна бокалов, пять человек, - все уже не молодые (кроме одного, инженера Корвина), все одетые в белую фланель, сосредоточенные, с сильными скулами и упрямыми затылками, - слушали то, что вот уже более часу говорил им Игнатий Руф. Никто за это время не прикоснулся к вину.